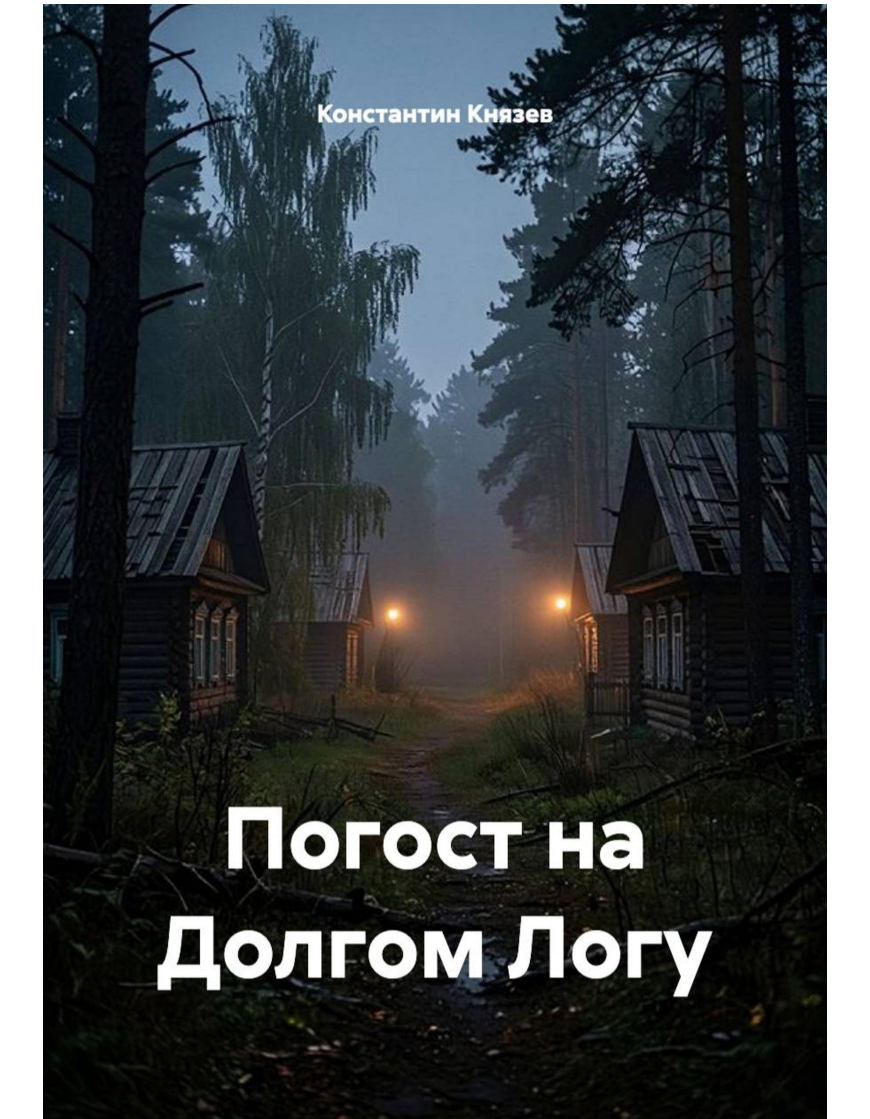

A misty, atmospheric forest scene at dusk or dawn. A narrow path leads through a dense forest of tall, dark trees. On either side of the path are several small, rustic wooden houses with steep, shingled roofs. The houses have small windows, some of which are illuminated from within, casting a warm glow. Two bright, circular light sources, possibly lanterns or small fires, are visible on the path in the distance, creating a focal point and illuminating the mist. The overall mood is quiet, mysterious, and somewhat somber.

Константин Князев

Погост на Долгом Логу

Константин Князев

Погост на Долгом Логу

<https://litres.ru/74593717>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ой, станичники, не ходите в Долгий Лог —
Там память мёртвых стережёт столетний порог!

Содержание

Глава I	4
Глава II	7
Глава III	10
Глава IV	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Константин Князев

Погост на Долгом Логу

Глава I

Осень 1994 года пришла на Дон рано и зло. В начале октября уже стояли утренние морозы, и станица Вёшенская-малая — не та самая, знаменитая, а маленькая, одноимённая, затерявшаяся в двадцати километрах к северу, за балками и полынными увалами, — просыпалась в белой изморози. Тополя стояли ободранные, оголённые, как обнажённые нервы, и ветер гнал по улицам жёлтый лист с сухим шелестом, похожим на шёпот.

Лена Мещерякова жила в этом городке всю свою двадцатипятилетнюю жизнь, из них последние два — после смерти отца — одна, в старом доме с покосившимся крыльцом и садом, который теперь зарастал лебедой. Днём она работала в районной библиотеке: небольшой, пыльной, с колченогими стеллажами и запахом разложившейся типографской краски. Зарплату не платили по три месяца, электричество давали с перебоями, и по вечерам Лена читала при керосиновой лампе, доставшейся от бабушки, — и от этого чтение приобретало какой-то архаичный, неправдоподобный вкус, будто читала она не книги, а письма из прошлого века.

Именно при керосиновой лампе, в конце сентября, она и наткнулась на него.

Это была старая опись церковного имущества за 1926 год — тонкая папка в серой обложке, которую кто-то из районных историков сдал на хранение ещё при Хрущёве и которую с тех пор никто не открывал. Лена разбирала фонды для инвентаризации, отмывая руки от столетней пыли, и сначала даже обрадовалась находке: краеведческая ценность, можно приобщить к выставке «Храмы и приходы донского края».

А потом она развернула четвёртый лист.

Среди казённого перечня — «колокол медный, воловий вес», «образ Спаса в киоте дубовом», «пономарская утварь, ветхая» — значилась строка, вписанная другой рукой, с нажимом, почти продавившая бумагу:

«Погост прихода Долгий Лог закрыт решением сельсовета от 14/III 1930 г. Кресты снести не велено. Землю вынимать из-под лежащих не велено. Входы засыпать. Больше туда не ходить и имени того, кто там поют, вслух не произносить. Доклад рапортом подано благочинному».

Лена перечитала трижды. Сначала показалось, что это чья-то шутка, приписка дурачка. Но рука была старой, дореволюционной манеры письма, и дрожь, пробежавшая по строчке «вслух не произносить», не была литературной.

— Больше туда не ходить, — повторила она вслух в пустой библиотеке, и лампада света закачалась на её ладони, как будто сама испугалась.

За окном, за стёклами в две тряпки от оконной рамы, шумел осенний ветер. И где-то далеко, в степи, в сторону чёрных балок, он затихал — или ей так показалось, — словно там, на северо-западе, что-то огромное и невидимое придавило его лапой и велело быть тише.

Глава II

Про Долгий Лог Лена слышала с детства. Не так, как слышат про нормальные места — с географией и дорогой, — а так, как дети слышат про страшное: полуфразами, шёпотом, обрывками на перемене между уроками и на летнем выгоне.

Долгий Лог — это длинная балка в пяти верстах от станицы, заросшая чёрной ольхой и вербой, с ручьём на дне, который не пересыхает даже в засуху, потому что идёт из подземных жил. Там, на склоне лога, ещё при её прабабушках было кладбище. Чумное — так говорили старики. Не чумное, впрочем, а голодное: в двадцать первом и двадцать втором годах, когда по Дону прошла моровая язва после гражданской, туда свозили мёртвых со всей округи, десятками, возами, и хоронили в общих ямах, без отпевания, без икон, без поминального чина. Некоторых — так шептались старухи у колодца — хоронили раньше времени. Засыпали живыми, потому что живых умирать уже некому было проверять.

С тех пор Долгий Лог стоял нетронутый. Колхозы обходили его стороной; когда в пятидесятых распахивали степь, тракторист Степан Дед — единственный, кто решился проехать трактором по склону лога, чтобы вспахать его под бахчу, — вернулся к станице поседевшим, нёс в себе что-то, что не выговаривал, и через полгода умер врасплох, на току, держа в руке недосып зерна. Мальчишки с той поры не го-

няли туда на велосипедах. Взрослые не прогоняли скотину по склону. Даже гуси, будто чуяли, не селись на воду ручья, текущего из лога.

А легенда была одна — самая простая и оттого самая страшная из всех городских (и сельских) легенд: если поздно вечером, стоя на краю Долгого Лога, назвать вслух имя того, кто тебе дорог, — имя по своей воле или по чужой — то оно откликнется. Не из лога. Изнутри. Из самого нутра земли, глухо, как будто оттуда, снизу, тебе отвечает тот, кого ты позвал. И тот, кто услышал отклик, — на следующий год обязательно придёт в Долгий Лог погостить.

Навсегда.

Лена, как всякая разумная девочка, в это не верила. Как всякая живая девочка, не проверяла.

Но теперь, сидя над жёлтой описью 1926 года, она смотрела на выцветшие чернила — «вслух не произносить» — и понимала, что легенда родилась не из страха, а из запрещения. А запрещение родилось не из страха, а из того, что кто-то, в 1930 году, действительно видел в Долгом Логу то, из-за чего запретили ходить туда и сносить кресты, и вынимать землю.

И записал. И благочинному подал. И благочинный — судя по всему — не отписал «абсурд», как отписал бы про любую другую деревенскую жуть, а молча завёл папку, поставил на неё гриф «хранить» и забыл, то есть не забыл ни на день до самой смерти.

Слово «погост» в старых описях звучало нейтрально. Слово «погост» в детских страшилках звучало жутко. А слово «погост», произнесённое голосом Лены в четыре часа пополудни в пустой библиотеке, вдруг прозвучало как предупреждение, данное лично ей.

За окном зашумело сильнее.

Глава III

Катя приехала из Ростова в конце первой недели октября — как всегда, неожиданно, с двумя тяжёлыми чемоданами и запахом парфюма «Chanel 5», которым Катя, двадцатитрёх-летняя, наполовину местная, наполовину столичная, владела как оружием. Они дружили с Леной с восьмого класса — дружбой, которую тогда, в детстве, называют вечной и которая в двадцать пять уже умеет обходиться без громких слов: просто двое знают друг о друге то, чего не знают иные даже о самих себе.

— Боже, — сказала Катя с порога, стягивая сапоги, — у тебя дом как в Тарковском. Даже гниль та же самая.

— Привет тебе тоже, — сказала Лена, обнимая её. — Ты постричься приехала?

— Я к бабушке. Она лежит, знания собирать. Умирать, между нами, собралась. — Катя скинула пальто и мгновенно стала собой: худая, острая, с глазами тёмными и слишком ясными, как у человека, который в городе выучился не доверять тому, что видит. — Но раз уж я здесь до конца октября... я привезла тебе дурные новости.

— Приветливая ты какая.

— Новости такие: я привезла пустые кассеты, диктофон «Олимп» и полное намерение записать всё, что бабушка помнит. Для будущей книги. Ты ведь помнишь, я хожу в этот

дурацкий фольклорный кружок при универе?

— Помню.

— Так вот. Первым объектом я объявляю вашу родную станицу. Мне нужны страшные истории, приметы, байки, ленды. И прежде всего — — Катя сделала паузу, посмотрела в потолок и закончила самым деловым тоном, — мне нужна вся правда про Долгий Лог.

Лена замерла с чашкой в руке.

— С чего вдруг?

— С того, что мне бабушка сама в письме весной написала: «Ты бы, дурра, съездила к нам, да в Долгий Лог не заходи». И всё. Никаких объяснений. Ты можешь себе представить бабу Серафиму в роли таинственной ведуньи? Она тридцать лет цитировала Горького вслух. И вдруг — «не заходи».

Лена поставила чашку. Сердце стукнуло — один раз, тяжело, как будто ударило в дверь.

— Кать, — сказала она, — у меня есть кое-что поинтереснее твоей бабушки.

Она пошла в библиотеку — нет, не в ту, районную, а в свою, домашнюю, где на верхней полке шкафа, среди отцовских словарей, лежала теперь снятая с учёта папка. Она не должна была снимать её с учёта. Она сняла — тихо, в пятницу, за день до инвентаризации, и записала в графу «выдано временно, для ксерокопирования». По сути это был подлог, и Лена, впервые в жизни, испытала странное, пьянящее

чувство: будто она крадёт не бумагу, а живую тайну, и тайна идёт с ней на руки, как чужой ребёнок.

Она положила папку перед Катей, как кладут на стол карту места, куда собираться.

— Читай четвёртый лист.

Катя читала долго. Потом — ещё дольше. Потом подняла голову, и Лена заметила, что тёмные глаза её слегка расширились и в них проступил тот самый испуг, который в Ростове Катя, наверняка, не показывала никому.

— «Вслух не произносить», — прочитала она вслух. — И имени того, кто там поют, вслух не произносить. Лен. А что они там поют?

— Этого не знает никто, — сказала Лена. — Но, Катя, меня пугает не то, что там поют. Меня пугает, что если там поют — то до сих пор. Девяносто четвёртый год. Кресты не снесены. Земля не тронута. Кто-то до сих пор считает, что туда нельзя ходить.

— Или не считает, — тихо сказала Катя. — А просто до сих пор слышит.

Глава IV

Они проговорили до третьего часа ночи. Сначала — по-литературному: о краеведении, о двадцать первом годе, о раскулачивании, о том, что голод на Дону был, а теперь об этом, кроме дедов, никто не помнит. Потом — по-человеческому: Катя сняла пальто с вешалки и повесила обратно, потому что уходить не хотелось; Лена развела огонь в печке, и дом ожил запахом горячего кирпича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.